

Когда Мэн Тинлань снова открыл глаза, он был уверен, что либо проснулся в общежитии своего университета, либо попал на небеса. В конце концов, он не совершал ничего дурного: подкармливал бездомных кошек, переводил старушек через дорогу — не мог же он оказаться в аду?

В полудреме до него донеслись звуки колокола, удары деревянного гонга и монотонное чтение сутр. Он подумал, что добрым людям действительно самое место в раю.

Он открыл глаза и увидел незамысловатый древний потолок, украшенный буддийскими лентами, а сквозь щели пробивались лучи солнца. Мэн Тинлань протянул руку, чтобы ощутить их тепло, и удивился: неужели это лишь иллюзия, порожденная подсознательным желанием тепла?

Однако, взглянув на свое тело, он замер в радостном изумлении: он действительно был жив! Его поместили в большую деревянную бадью. Кончик его синего хвоста отливал прекрасным фиолетовым цветом, а чешуя ярко сверкала в лучах солнца. Сейчас он выглядел как совсем крошечная рыбка, размером с трех-четырёхлетнего ребенка, только с красивым хвостом и двумя маленькими рожками на голове.

Он приник к краю бадьи, осматриваясь: самая обычная, скромная обстановка — старинный стол, пара табуретов, небольшая кровать. Похоже, он в храме. Вероятно, монахи с острова нашли его на берегу и принесли сюда. На теле все еще были раны, любое движение отзывалось болью, поэтому он решил остаться в бадье и, прислушиваясь к пению монахов, снова провалился в сон.

Во сне он вернулся в университет, смотрел, как друзья играют в баскетбол, но вскоре к привычным крикам поддержки и сплетням примешались странные, настойчивые голоса, которые становились все громче.

— Ой, что это за вид такой? Какой красивый!

— Это же русалка! Посмотрите, какой у него хвост...

— Нет, погоди, откуда у русалки рога?

— Да замолчите вы! Сон человеку испортили, чтоб вас громом поразило! — Мэн Тинлань в ярости распахнул глаза.

Несколько маленьких монахов, испугавшись его внезапного пробуждения, попятились назад, опасаясь, что это странное существо сейчас их проглотит. Мэн Тинлань хотел было поблагодарить их за спасение, но стоило ему открыть рот, как послушники в ужасе бросились наутек. Он с ужасом осознал, что его голос звучит совсем иначе.

— Гу-у... — раздался эфирный, загадочный звук. Видимо, монахи решили, что он собирается ими пообедать.

Мэн Тинлань не сдавался и снова попытался что-то сказать:

— Эй! Вы куда? Вернитесь!

Но в ответ прозвучал тот же странный зов, лишь с другой интонацией. Послушники припустили еще быстрее. Мэн Тинлань в отчаянии рухнул обратно в бадью. Неужели ему суждено прожить всю жизнь рыбой? Нет, этого не может быть! Он вспомнил роман, который когда-то подсунула ему Мэн Сяосяо: там злодей-русал как раз был рогат и рос в храме. Правда, почему рыба, выросшая в столь священном месте, стала такой злодейкой — вопрос, который оставался загадкой даже для автора. К тому же, в книге злодей встретил главного героя, когда ему было за шестьдесят. Конечно, жизнь русалов долга, и шестьдесят лет для них — как шестнадцать для человека.

Значит, ему придется провести здесь шестьдесят лет в качестве послушника? Другие попадают в книги с системами и читами, а он — без ничего, да еще и сразу после погони акул, обреченный на десятилетия монашества! Никто не был более несчастен, чем он.

Мэн Тинлань бессильно прислонился к краю бадьи, сомневаясь в своей новой рыбьей жизни. Вскоре у дверей снова поднялся шум: послушники привели настоятеля. Сами они, не решаясь войти, вытягивали шеи из-за косяка, как стадо гусей.

Настоятель подошел к бадье и произнес молитву:

— Амиабха! Небеса милосердны, и раз уж мы встретились, значит, на то была воля судьбы. Ты ранен, так что оставайся здесь и поправляйся.

Мэн Тинлань кивнул. Что ж, выбора нет, а монах оказался добрым человеком. Он не придал этому значения, а вот гуси, то есть послушники, зашумели:

— Ого! Он понимает, что говорит учитель!

— Какой умный!

Мэн Тинлань мысленно фыркнул: конечно, я умный, я же просто маленький, а не глупый.

Старый настоятель тоже на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Какая одаренность. В таком возрасте уже понимаешь человеческую речь. Должно быть, ты морской демон высокого происхождения, обладающий древней памятью предков.

Мэн Тинлань хотел закатить глаза. Какая еще память предков? Внутри этой оболочки — самый обычный человек! И неизвестно, проснется ли в нем что-то иное. Но, чтобы не вызывать подозрений, он снова кивнул.

— Помнишь ли ты, где твоё племя? — спросил настоятель.

Мэн Тинлань покачал головой. Он действительно не знал — читал книгу по диагонали и не запомнил деталей. Старик удивленно посмотрел на него, переспросил, но ответ остался прежним. Вздыхнув, настоятель поинтересовался, куда он планирует отправиться после выздоровления. Мэн Тинлань снова отрицательно покачал головой. Наконец старик спросил:

— Тогда хочешь остаться здесь?

На этот раз Мэн Тинлань с радостью кивнул. Послушники обрадовались даже больше него — видимо, им не терпелось завести красивого нечеловеческого друга.

Раны Мэн Тинланя зажили довольно быстро. Настоятель собирал лекарственные травы и прикладывал их к его телу — эффект был куда лучше, чем от дорогих больничных средств. Возможно, дело было в поразительной регенерации русалов, а может, и в том, что этот мир был миром совершенствования, пропитанным духовной энергией.

Выходить в море он не решался — слишком силен был страх. Что касается памяти предков, о которой говорил настоятель, то она действительно начала просыпаться: он постепенно стал понимать, как именно русалы должны практиковать совершенствование.

Поскольку идти было некуда, послушники ловили ему рыбу и постоянно болтали, то и дело порываясь потрогать его хвост. Мэн Тинлань не позволял им фамильярностей и каждый раз окатывал наглецов водой. Позже настоятель перенес его в большой пруд у ворот храма, и Мэн Тинлань стал практиковаться, слушая ежедневное чтение сутр.

То ли благодаря обретенному спокойствию, то ли покровительству Будды, спустя три года он смог заговорить с послушниками. До принятия человеческого облика было еще далеко, но время летело незаметно. Настоятель часто хвалил его, говоря, что у него редкий талант и скорость совершенствования превосходит даже лучших учеников великих кланов.

Эти слова стали для Мэн Тинланя ящиком Пандоры. Он начал интересоваться внешним миром и кланами — ведь при чтении книги он был так невнимателен! Сейчас он готов был дать себе затрещину за то, что не вчитывался в сюжет. Но жалеть было поздно, и он мог узнавать лишь крошечные кусочки информации о человеческих кланах от монахов.

Однако старый настоятель слишком давно покинул материк, и многое изменилось, а послушники, которых он подобрал, и вовсе не знали, что творится за пределами острова. Да они и не хотели возвращаться. Для них это место было земным раем: тот мир их отверг, и они, в свою очередь, отrekliсь от него — от всех людей и вещей, что остались там.

<http://bllate.org/book/22108/2300926>